

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ М. М. БАХТИНА

Священник Димитрий Барицкий

кандидат богословия
доцент кафедры библеистики Московской духовной академии
доцент кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
baricky1981@yandex.ru

Для цитирования: *Барицкий Д., свящ.* Герменевтическая теория М. М. Бахтина // Богословский вестник. 2020. № 1 (36). С. 244–263. DOI: 10.31802/2500-1450-2020-36-1-244-263

Аннотация

УДК 801.73 (81-119)

Основная цель, которую ставит перед собой автор статьи, — привлечь внимание к герменевтической теории М. М. Бахтина и указать на её актуальность в рамках такого направления филологического анализа текста, как религиозное литературоведение. В статье в систематическом виде изложены основные положения герменевтической теории учёного. В начале рассматривается общая теория познания М. М. Бахтина, важное место в которой занимают понятия «монологизм» и «диалогизм». После особое внимание направляется на его концепцию структуры содержательной стороны произведения, и здесь изучаются понятия «знак», «значение» и «смысл». Отдельно выделяются критерии, которые, по мнению М. М. Бахтина, сообщают смыслу текста стабильную форму, а также приводится критика учёным литературоведческого структурализма. Помимо этого, автор обращает внимание на ту методологию интерпретации произведения, которая складывается на основе предложенной теории текста. В заключение даётся оценка тому эвристическому потенциалу, которым может обладать герменевтическая теория М. М. Бахтина в контексте анализа произведений мировой классической литературы.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, герменевтика, интерпретация, смысл, текст, «религиозное литературоведение».

Постановка вопроса

С древнейших времён ключевым вопросом, стоявшим перед научным сознанием, являлся вопрос о методе познания. Как мы познаём окружающую нас действительность? В какие отношения вступают познающий субъект и объект познания? Что собой представляет результат познавательного акта? И т. д. Филологическая наука исключением здесь не является. Вопросы гносеологического порядка интересуют её не в последнюю очередь. Она ставит их относительно текста в соответствии со своими задачами. Какова природа того смысла, который он содержит, как этот смысл возможно извлечь, а также какую роль в процессе интерпретации занимают автор и читатель — основные из этих вопросов. Именно от ответов на них зависит та стратегия прочтения, которую выберет толкователь, а соответственно и то, к каким конкретным выводам он придёт в результате своей работы с литературным памятником.

Особую актуальность решение этих проблем приобретает в контексте отечественного литературоведения и в первую очередь при изучении русской классической литературы. Здесь в настоящий момент мы наблюдаем отказ от той герменевтической парадигмы, которая господствовала в советской науке и напряжённый поиск ответа на вопрос: как же нам читать текст художественного произведения, чтобы воспринять его смысл как можно глубже и полнее? Как нам увидеть в тексте не единственно отпечаток классово-борьбы и постановку вопросов исторического и социального порядка, но выйти на более глубокий уровень, уровень философской, а может, даже и религиозной проблематики? Ведь именно попытка решить вечные вопросы на страницах художественной литературы при помощи художественных образов и делают эти тексты непреходящими, отличными от тех, что пишутся, как говорится, на злобу дня. Именно это качество — важная составляющая того, что мы называем классической литературой.

Отечественное литературоведение предлагает различные варианты ответов на эти вопросы. Однако при всём многообразии решений можно выделить две крайние точки, к которым тяготеет та или иная теория.

С одной стороны, утверждается, что смысл художественного произведения постичь невозможно. Это положение, которое мы встречаем уже у немецких романтиков (Ф. Шеллинг), со всей силой было

развито в теориях А. А. Потебни и его учеников. По их мысли, «понимание... есть, собственно, не постижение чужой идеи, а генерирование своей»¹. Соответственно, между интерпретацией и текстом существуют предельно свободные отношения. Смыслов литературного произведения оказывается бесконечное множество, а само оно становится неисчерпаемым. Девизом этой группы исследователей можно считать высказывание А. Г. Горнфельда: «Понимать — значит вкладывать свой смысл»². Эта крайность герменевтического субъективизма привела к тому, что вопрос о верном и неверном толковании просто снимался. Любая интерпретация получала законный статус и претендовала на истинность. Чрезмерное поощрение интуитивного, творческого начала в работе с текстом имело закономерным результатом семантический плюрализм.

Реакцией на концепцию А. А. Потебни стала статья выдающегося отечественного литературоведа А. П. Скафтымова «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы». В ней он выступает за научное литературоведение и утверждает, что художественный смысл принципиально доступен познающему сознанию. Он объективно присутствует в тексте произведения и может быть извлечен из него при помощи «единственно правильной интерпретации»³. Возможно, сейчас такую интерпретацию и невозможно осуществить, но теоретически в определённый момент она возможна и стоит перед литературоведением как задача, как идеал, к которому необходимо стремиться. Подход Скафтымова содержит в себе изрядную долю позитивизма и сводит процесс анализа художественного текста к той работе, которую осуществляет исследователь-естественник. Здесь совершенно не играет роли личность толкователя. Здесь важен метод и наиболее благоприятный этап исторического развития общества. Своим следствием такой подход имеет семантический монизм и догматизм.

Как первый, так и второй подходы — крайности, которые препятствуют адекватному прочтению художественного произведения. Они норовят свести процесс интерпретации или к хаотичному, неорганизованному полету мысли, который игнорирует объективно существующие в тексте структурные связи (крайность аллегоризации), или, напротив, к работе сродни той, которую проделывал с ля-

1 *Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения. М., 2015. С. 171.

2 Там же. С. 168.

3 Там же. С. 171.

гушкой пренебрегавший всяким духовным началом герой романа Тургенева «Отцы и дети».

Существует ли иной путь? Для того чтобы ответить на этот вопрос, мы и хотели бы обратиться к наследию выдающегося русского философа и филолога первой половины XX в. М. М. Бахтина. На наш взгляд, ему удалось преодолеть вышеуказанные крайности коллег и предложить очень гибкую и продуктивную герменевтическую модель.

Объектом нашего исследования являются четыре работы М. М. Бахтина, имеющие методологический характер: «К методологии гуманитарных наук», «К методологии литературоведения», «К философским основам гуманитарных наук», «Проблема текста».

1. Теория познания М. М. Бахтина

Свою теорию толкования текста Бахтин развивает, опираясь на положение, которое выдвинул ещё Вильгельм Дильтей. Как мы помним, немецкий философ противопоставил естественные науки («науки о природе») наукам гуманитарным («наукам о духе») на том основании, что у них разные предметы и методы познания окружающей действительности. Предметом естественных наук является неодушевленный космос. Для его познания используются методы эмпирического анализа. Предметом «наук о духе» является сам человек. Поскольку он является существом духовным, его невозможно познать при помощи методов эмпирического анализа. Однако, по мысли Дильтея, добиться определённых успехов на этом пути можно, прибегнув к методу понимания. Отсюда основной тезис немецкого философа: «природу мы объясняем, а духовную жизнь понимаем»⁴.

В этом же направлении развивается и мысль Бахтина. По его словам, точные науки занимаются познанием вещи. «...Интеллект созерцает *вещь* и высказывается о ней. Здесь только один субъект — познающий (созерцающий) и говорящий (высказывающийся). Ему противостоит только *безгласная вещь*»⁵. В этом случае никаких свободных личностных отношений между объектом и субъектом познания быть не может. Вещь пассивна и безгласна, она неспособна

4 Косиков Г. Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. М., 2012. С. 261.

5 Бахтин М. М. К методологии литературоведения // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М., 1975. С. 206.

отвечать, поэтому, согласно Бахтину, такую форму познания можно назвать **монологической**.

Совсем иначе, по Бахтину, выглядит процесс познания в науках гуманитарных. В этом случае речь идёт не о познании безгласной вещи, но о взаимодействии двух личностных начал, одно из которых — познающее, а другое — познаваемое. В своём пределе это форма познания представляется Бахтиным как «мысль о Боге в присутствии Бога»⁶, Который есть некий возможный личностный предел. По словам Бахтина, необходимо учитывать, что «субъект (личность) как таковой не может восприниматься и изучаться как вещь, ибо как субъект он не может, оставаясь субъектом, быть безгласным»⁷. Отсюда Бахтин определяет эту форму познания как **диалогическую**, в отличие от монологической формы познания. Это встреча двух живых сознаний, которые вступают друг с другом в свободный диалог, общение. «Активность познающего сочетается с активностью открывающегося... умение познать — с умением выразить себя... Кругозор познающего взаимодействует с кругозором познаваемого. Здесь “я” существует для другого и с помощью другого»⁸.

Монологическая форма познания предполагает, что объект познания может быть до конца понят, исчерпан в своей смысловой глубине. Это «чистая мёртвая вещь», которая существует исключительно для другого (познающего) и обречена на то, чтобы быть «раскрытой вся сплошь и до конца односторонним актом этого другого (познающего)»⁹, поэтому о точности познания в буквальном смысле Бахтин предлагает говорить лишь тогда, когда речь идёт о познании вещи. Точность, в его понимании, есть не что иное, как «совпадение вещи с самой собой»¹⁰. Результатом точного познания становится то, что познающий субъект овладевает познаваемым объектом, делает его вещью для себя. Такая точность необходима для практического овладения познаваемым предметом.

В отличие от естественных наук, цель которых познать вещь, до конца понять её смысл, чтобы в итоге приручить её, использовать в собственных практических нуждах, сделать её вещью «для себя»,

6 Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 227.

7 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 206.

8 Там же. С. 205.

9 Там же. С. 204.

10 Там же. С. 205.

это принципиально невозможно, когда речь идёт о науках гуманитарных. Ведь в таком случае диалог прекратился бы и перед нами оказался бы не другой, а другое, мёртвая вещь, а потому необходимо признать, что смысловой потенциал познаваемого субъекта остаётся неисчерпаем. «Здесь есть внутреннее ядро, которое нельзя поглотить, потребить (здесь сохраняется всегда дистанция), — ядро, в отношении которого возможно только чистое бескорыстие; открываясь для другого, оно всегда остаётся и для себя»¹¹. По этой причине Бахтин вслед за Дильтеем предпочитает говорить не об объяснении познаваемого субъекта, но о его понимании. Ведь «при объяснении — только одно сознание, один субъект; при понимании — два сознания, два субъекта. К объекту не может быть диалогического отношения, поэтому объяснение лишено диалогических моментов (кроме формально-риторического). Понимание всегда в какой-то мере диалогично»¹². Следовательно, и выражение «точность познания» применительно к гуманитарным наукам можно использовать очень условно. Ведь в отличие от наук естественных здесь точность — это «преодоление чуждости чужого без превращения его в чисто свое...»¹³. Более подходящим здесь будет термин «глубина проникновения». Это «необходимость добраться, углубиться до творческого ядра личности, в котором она продолжает жить, то есть бессмертна»¹⁴. Причём поскольку познание направлено на неповторимое, это всегда «область открытий, откровений, узнаний, сообщений. Здесь важна и тайна, и ложь (а не ошибка)»¹⁵.

Итак, согласно Бахтину, всё наше познание явлений окружающей действительности — явление комплексное. Оно совмещает в себе и монолог, и диалог. Оно колеблется между этими двумя пределами, пределами «мёртвой вещи» и «личностного предела», никогда этих пределов не достигая¹⁶.

11 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 204.

12 Бахтин М. М. Проблема текста // Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. С. 308.

13 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 206.

14 Там же.

15 Там же. С. 204–205.

16 «Наша мысль и наша практика, не техническая, а моральная (то есть наши ответственные поступки), совершаются между двумя пределами: отношениями к вещи и отношениями к личности... Одни наши акты (познавательные и моральные) стремятся к пределу овеществления, никогда его не достигая, другие акты — к пределу пер-

Учитывая это, согласно Бахтину, монолизм неприемлем не только как гносеологическая установка, но и как установка этическая и шире, как образ самого бытия субъекта. Он есть не что иное, как стремление «окружить себя несловесною жизнью... Один я выступаю как творческая говорящая личность, всё остальное вне меня только вещные условия, как *причины*, вызывающие и определяющие моё слово. Я не беседую с ними — я *реагирую* на них механически, как вещь реагирует на внешние раздражения...»¹⁷. Это эгоистическая позиция, которая замыкает всё на себе, стремиться овеществить и потребить, использовать всё окружающее только в своих корыстных целях. А потому диалогизм для Бахтина — не только методологическая установка, которая помогает глубже проникнуть в исследуемый объект. Это ещё и жизненная позиция. Открытость к миру. Способность жить не для себя, а для него и для другого. По словам мыслителя, «задача заключается в том, чтобы *вещную* среду, воздействующую механически на личность, заставить заговорить, то есть раскрыть в ней потенциальное слово и тон, превратить её в смысловой контекст мыслящей, говорящей и поступающей (в том числе и творящей) личности»¹⁸.

2. Критика структурализма

Свою теорию текста, а также его интерпретации М. М. Бахтин развивает в полемике с крайностями формализма и структурализма. По мнению последних, текст подобен структуре, которая, как некая скорлупа, содержит в себе авторский замысел. Зная, как устроена эта структура, мы претендуем на то, чтобы извлечь из неё тот самый смысл, который вложил в неё автор. Структуралисты предполагали, что текст может быть до конца понят, если представить себе некоего идеального читателя, который понял структуру текста настолько, что до конца разгадал авторский замысел.

На это Бахтин делает следующее замечание: «При таком понимании... идеальный слушатель является зеркальным отражением автора, дублирующим его. Он не может внести ничего *своего*, ничего нового в идеально понятое произведение и в идеально понятый

сонификации, до конца его не достигая» (Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 371).

17 Там же. С. 366.

18 Там же.

замысел автора»¹⁹. Бахтин совершенно справедливо замечает, что между автором художественного произведения и таким идеальным читателем не может быть совершенно никаких активных драматических отношений, никакого взаимодействия. Как первый, так и второй превращаются в «равные себе и друг другу абстрактные понятия», «механические или математизированные, пустые тавтологические абстракции»²⁰.

Помимо этого, Бахтин указывал ещё на один недостаток такого подхода к тексту. В сознании структуралистов, теоретически в процессе интерпретации произведения можно будет однажды поставить точку, после того как будут выявлены все объективно присутствующие в нём связи и отношения. Великие произведения мировой литературы станут познанными, а потому наскучившими, устаревшими. Им больше нечего будет нам сказать. Таким образом, подобный подход лишает произведение глубины. «Полное, предельное овеществление неизбежно привело бы к исчезновению бесконечности и бездонности смысла (всякого смысла)»²¹, — пишет Бахтин.

Теперь обратимся непосредственно к теории интерпретации текста, которую предлагает М. М. Бахтин.

3. Интерпретация текста

Для Бахтина текст (как письменный, так и устный) — первичная данность всего гуманитарно-филологического мышления, которое, по его словам, в своих истоках богословское и философское²². «Где нет текста, там нет и объекта для исследования и мышления»²³, — утверждает он. В широком смысле текст — «всякий связанный знаковый комплекс»²⁴. В узком смысле, если говорить о тексте, как первичной данности для филологии, лингвистики, литературоведения и т. п. дисциплин, это в первую очередь произведение словесного творчества.

Бахтин указывает, что состав любого текста неоднороден. В нём можно выделить два полюса. С одной стороны, каждый текст — по-

19 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 204.

20 Там же.

21 Там же. С. 207.

22 См.: Бахтин М. М. Проблема текста. С. 299.

23 Там же.

24 Там же.

нятная для всех (в рамках конкретного социума) система знаков. По словам Бахтина, к этой системе знаков, или же языку, относится «всё повторённое и воспроизведённое и повторимое и воспроизводимое, всё, что может быть дано вне данного текста (данность)»²⁵. Речь идёт как о материальной стороне текста (чернила, формы знаков и т. п.), так и о его содержательной стороне (узнаваемые и повторяемые значения слов, образов, объективные синтагматические и парадигматические связи между ними и т. п.). Относительно текста это и есть тот самый предел, который Бахтин обозначает словами «мёртвая вещь», та самая вещная реальность, которая может быть рассмотрена в процессе познания как безгласный объект. Её можно препарировать, вскрывать, описывать.

Однако вместе с тем каждый текст имеет субъектное начало. Ведь каждый текст — это ещё и живой голос другого «Я». С этой стороны он содержит в себе нечто уникальное, неповторимое, единственное в своём роде. «Это то в нём, что **имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории** (п/ж мой. — *свящ. Д. Б.*). По отношению к этому моменту всё повторимое и воспроизводимое оказывается материалом и средством...»²⁶.

Оба полюса имеют непосредственное отношение к содержательной стороне текста. Однако у каждого собственные характеристики. Говоря о первом полюсе, Бахтин использует термин «значение», говоря о втором — термин «смысл»²⁷. В результате, используя понятийно-терминологический аппарат семиотики, Бахтин следующим образом описывает, как познаётся смысл текста. Он предлагает умозрительно разделить этот процесс на следующие акты²⁸: «1. Психологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы). 2. *Узнание* его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) *значения* в языке.

25 Бахтин М. М. Проблема текста. С. 301.

26 Там же. С. 301–302.

27 Одним из первых в отечественной филологии ещё в 30-е гг. XX в. об этом различии заговорил Л. С. Выготский. По его словам, «если “значение” слова является объективным отражением системы связей и отношений, то “смысл” — это привнесение субъективных аспектов значения соответственно данному моменту и ситуации» (Валгина Н. С. Теория текста. М., 2003. С. 160).

28 По его словам, они «неразрывно слиты в единый процесс понимания, но каждый отдельный акт имеет идеальную смысловую (содержательную) самостоятельность и может быть выделен из конкретного эмпирического акта» (Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 361).

3. Понимание его *значения* в данном контексте (ближайшем или более далеком). 4. Активно-диалогическое понимание (спор-согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности»²⁹.

Как мы можем видеть, Бахтин считает, что на уровень смысла толкователь выходит не тогда, когда он выяснил, в каком из своих словарных значений употреблено слово в том или ином тексте. Ведь, по сути, на это способен и «робот-переводчик», который зачастую выполняет эту работу без особого труда. Смысл рождается лишь тогда, когда познающий проявляет к определённому значению (выбранному из массы других) личное отношение. Делает его значением «для себя», то есть пропускает его через свой опыт, помещает в контекст своей жизни. В этот момент значение приобретает определённую коннотацию. Эта коннотация, собственно смысл, рождается в результате диалога, которые есть «спор-согласие» с автором текста. Попытка проникнуть в его замысел. Она и есть то неповторимое, уникальное что открывается толкователю в момент интерпретации, «ответ на духовный запрос личности», «возможность нового интерпретационного поворота в пространстве текста»³⁰.

Бахтин прекрасно осознаёт, что сам момент перехода от значения к смыслу зафиксировать трудно. О том, что он не понимал процесс интерпретации механистически, ярко свидетельствует выделение им следующих рубрик в рамках данной темы: «Различные виды и формы понимания. Понимание *языка* знаков, то есть понимание (овладение) определённой знаковой системы (например, определённого языка). Понимание произведения на уже известном, то есть уже понятном языке. **Отсутствие на практике резких границ и переходы от одного вида понимания к другому... Можно ли говорить, что понимание языка как системы бессубъектно и вовсе лишено диалогических моментов?** (п/ж мой. — *свящ. Д. Б.*)»³¹. Исходя из этого, очевидно, что он мыслил переход от одного содержательного уровня к другому как процесс, динамику, живую диалектику опыта и мысли. Используя его же терминологию, движение от предела мёртвой вещи к личностному пределу.

29 Бахтин М. М. Проблема текста. С. 301–302.

30 Лаксина Е. Б. Концепция диалога в работах М. Бахтина и В. Библера. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19949>.

31 Бахтин М. М. Проблема текста. С. 309.

Таким образом, мы видим, что для Бахтина смысл не хранится в тексте подобно тому, как сокровище хранится в сундуке. Смысл текста нельзя извлечь из него раз и навсегда. Скорее текст хранит стабильное значение, которое можно познать как вещь. Однако при этом текст является открытой знаковой структурой. «...Каждое слово (каждый знак) текста выводит за его пределы»³², даёт старт, импульс к диалогу с другим. С тем, кто создал этот текст. В результате этого собеседования и рождается смысл, который в своей глубине неисчерпаем в той степени, в какой неисчерпаема личность самого автора текста.

4. Метод интерпретации

Исходя из вышеизложенной теории текста, Бахтин предлагает и метод его интерпретации. Он утверждает, что если познание значения требует от толкователя эрудиции и способности к определённым логическим операциям³³, то познание смысла требует от человека особой интуиции, чуткости, таланта, способности вести диалог, поэтому подлинная интерпретация — это всегда «осмысление как открытие наличного путём узрения (созерцания) и прибавления путём творческого созидания»³⁴.

Именно по этой причине, когда мы говорим об извлечении из текста того или иного смысла, речь не может идти о каких-либо так называемых генерализирующих методах. Ведь перед нами не мёртвая вещь, не повторяемое, перед нами живая личность. «Чем глубже личность, то есть ближе к личностному пределу, — пишет Бахтин, — тем неприложимее генерализирующие методы»³⁵.

С одной стороны, такие методы гарантировали бы конкретный результат. Каждый, изучив определённый алгоритм действий, мог бы извлечь из текста тот или иной смысл, но это стирало бы границы между гением и бездарностью³⁶.

32 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 206.

33 «...Лингвистический анализ, — говорит Бахтин, — в известных пределах может и во все отвлечься от авторства», то есть не предполагать диалога с познаваемым субъектом (Бахтин М. М. Проблема текста. С. 282).

34 Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 362.

35 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 205.

36 «...Генерализация и формализация стирают границы между гением и бездарностью» (Там же).

С другой стороны, формальный метод, делая смысл предсказуемым, делал бы предсказуемым и его автора. Но это невозможно при познании субъекта. Ведь «...самораскрывающееся бытие не может быть вынуждено и связано. Оно свободно, и потому не представляет никаких гарантий»³⁷.

Резюме Бахтина следующее: подлинная интерпретация «не может быть научной, но она глубоко познавательна»³⁸. При этом он ссылается на С. С. Аверинцева, который утверждал, что подобное толкование есть «*инонаучная* форма знания, которая имеет «свои внутренние закономерности и критерии точности»³⁹.

Хорошо поясняет эту мысль А. Р. Лурия. В монографии «Язык и сознание» он пишет: «Способность оценивать внутренний подтекст представляет собой совершенно особую сторону психической деятельности, которая может совершенно не коррелировать со способностью к логическому мышлению. Эти обе системы — система логических операций при познавательной деятельности и система оценки эмоционального значения или глубокого смысла текста, — являются совсем различными психологическими системами»⁴⁰.

Итак, чем дальше толкователь от предела мёртвой вещи, чем ближе к личностному пределу, или говоря иначе, чем глубже он способен интегрировать значение в свою жизнь, чем интенсивнее диалог между ним и автором текста, тем глубже и шире ему открывается смысл текста. При этом данный процесс не обусловлен формальным методом. В результате каждый подлинный диалог порождает новый, уникальный и неповторимый смысл.

5. Форма смысла

Чем же обусловлена форма этого смысла? Неужели она произвольна и зависит исключительно от таланта интерпретатора и его субъективного состояния в момент толкования? Существует ли фактор, который сообщает смыслу объективность, стабильность? Или, в итоге, Бахтин стоит на тех же позициях, что и вышеупомянутые представители семантического плюрализма (такие как А. А. Потенбня)? Согласно Бахтину, помимо того, что смысл укоренён в текстовых зна-

37 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 205.

38 Там же. С. 210.

39 Там же.

40 Лурия А. Р. Язык и сознание. М., 1998. С. 258.

чениях, которые вполне объективны и задают конкретный вектор направления мысли толкователя, существует несколько факторов, которые также сообщают его форме определённую стабильность.

5.1. Личностный контекст

По Бахтину, диалог между двумя субъектами осуществляется «в цепи текстов»⁴¹, с которыми интерпретируемый текст связан «особыми диалогическими... отношениями»⁴² через читателя. Приступая к толкованию конкретного текста, толкователь отталкивается от существующего контекста и создаёт своим толкованием новый контекст. Вот как Бахтин описывает этапы этого «диалогического движения понимания»: «исходная точка — данный текст, движение назад — прошлые контексты, движение вперёд — предвосхищение (и начало) будущего контекста...»⁴³.

Необходимо отметить, что в концепции Бахтина контекст — это не просто сумма текстов (словесных и иных) как «мёртвых вещей», которые читатель соотносит друг с другом (сознательно или бессознательно). Иными словами, это не результат механического соединения текстовых значений, которые остаются, когда диалог прекратился. Ведь «если мы превратим диалог в один сплошной текст, т. е. сотрём разделы голосов... то глубинный (бесконечный) смысл исчезнет (мы стукнемся о дно, поставим мёртвую точку)... Полное, предельное овеществление неизбежно привело бы к исчезновению бесконечности и бездонности смысла (всякого смысла)»⁴⁴.

Напротив, контекст «всегда персоналистичен»⁴⁵. Это живое многоголосие, полифония, вечно звучащий хор множества голосов, пульсирующая, как лава, среда, которую Г. Косиков определял термином «интерсубъектность» (по аналогии с более поздним понятием Ю. Кристевой «интертекстуальность»), поэтому под контактом текстов (контекстов) понимается «контакт личностей, а не вещей (в пределе)»⁴⁶.

Итак, «Я» познающего является своеобразной точкой пересечения, где все голоса, образующие контекст, сходятся воедино, диало-

41 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 207.

42 Бахтин М. М. Проблема текста. С. 302.

43 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 207.

44 Там же.

45 Там же. С. 208.

46 Там же. С. 207.

гически переосмысляются, преломляются через сознание познающего и вступают в новый диалог с автором познаваемого текста.

Таким образом, тот смысл, который является результатом конкретного диалога, — это ещё и результат тех диалогов, которые читатель вёл, ведёт и будет вести с авторами других текстов⁴⁷. Отчасти этот смысл обусловлен этими диалогами, поэтому Бахтин и говорит, что смысловой полюс «осуществляется *чистым* (курсив мой. — *свящ. Д. Б.*) контекстом»⁴⁸, то есть в конечном счёте личностным опытом читателя, который ставит границу извлекаемому смыслу.

5.2. Эсхатологический контекст («большее время»)

Мы уже сказали, что контекст, как вечно-звучащее многоголосие, находится в постоянной динамике, развитии. Следовательно, в такой же динамике находится и смысл. Он меняется «по эпохам восприятия, что создаёт новое звучание произведения...» [2, 211]⁴⁹. Каждое слово в тексте, не меняя своего значения, переосмысливается в новом контексте⁵⁰. В результате значения получают новые оттенки, рождается новый смысл, поэтому Бахтин пишет: «Вещь остается вещью, а слово — словом, они сохраняют свою сущность и только восполняются смыслом»⁵¹.

Каждая эпоха в лице своих толкователей вносит вклад в содержательный уровень произведения. Здесь Бахтин вводит понятие «большого времени». «В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определённые моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновлённом (в новом контексте) виде»⁵².

47 «Стенограмма гуманитарного мышления. Это всегда стенограмма диалога особого вида: сложное взаимоотношение *текста* (предмета изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего *контекста* (вопрошающего, понимающего, комментирующего, возражающего и т. п.)... Это встреча двух текстов — готового и создаваемого реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов» (Бахтин М. М. Проблема текста. С. 303).

48 Там же. С. 302.

49 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 211. Отсюда, согласно Бахтину, интерпретация — это продолжающееся во времени «соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте...» (Там же. С. 207).

50 «...Каждое слово в тексте преобразуется в новом контексте» (Там же. С. 208).

51 Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 367.

52 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 212.

Учитывая то, что Бахтин был отчасти религиозным мыслителем (особенно в ранний период творчества) и в своей теории интерпретации отождествляет такие понятия как «личный предел» и «Бог», «Абсолют», можно понимать это «большее время» не только как грядущие исторические эпохи, но и в богословском смысле. Речь идет о так называемой эсхатологической реальности. Относительно теории интерпретации, это та гипотетическая точка, в которой откроется вся смысловая полнота текста. Ведь полнота смысла, согласно христианскому богословию, — в Боге. Именно тогда каждый смысл найдёт свое место и актуализируется в общем смысловом хоре, так как всё это голоса живых людей. «Нет ничего абсолютно мёртвого: у каждого смысла будет — в “большом времени” — свой праздник возрождения»⁵³.

Исходя из этого, Бахтин утверждает, что максимально адекватное прочтение текста — это прочтение в «эсхатологической» перспективе. Задача толкования, по его словам, в том, чтобы «каждый образ... понять и оценить на уровне “большого времени”»⁵⁴.

Это также сообщает смыслу определённую стабильность и форму.

5.3. Ценностный контекст («братство»)

По образному выражению Бахтина, «произведение как бы окутано музыкой интонационно-ценностного контекста, в котором оно понимается и оценивается»⁵⁵. Что он имеет в виду? Вот как представляет Бахтин условия извлечения смысла из текста: «Семантическая сторона произведения, то есть *значение* его элементов (первый этап понимания), принципиально доступна любому индивидуальному сознанию. Но его ценностно-смысловой момент (в том числе и символы) значим лишь для индивидов, связанных какими-то общими условиями жизни... — в конечном счете узами братства на высоком уровне. Здесь имеет место *приобщение*, на высших этапах — *приобщение к высшей ценности* (в пределе абсолютной)»⁵⁶.

Итак, смысл доступен лишь тому, кто приобщён к братству, а также к высшей Ценности. Именно это приобщение даёт толкователю

53 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 212. Очевидна перекличка со словами Евангелия от Марка: «Бог не есть Бог мертвых, но Бог живых» (Мк. 12, 27).

54 Там же.

55 Там же.

56 Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 368–369.

определённый герменевтический ключ, который позволяет ему выйти на необходимый уровень смысла. В свою очередь, это приобщение придаёт и стабильность смыслу. Оно выступает в роли общего знаменателя при реальном многообразии интерпретаций, определяет ценностные координаты понимания, вектор диалога и спектр вопросов, которые толкователь задаёт познаваемому субъекту. Глубина этого приобщения и определяет, в итоге, глубину смысла.

Итак, форму смыслу сообщают: текстовые значения (сумма объективно существующих связей и отношений между различными компонентами структуры произведения), из которых исходит толкователь; а также личностный, эсхатологический и ценностный контексты. Они же сообщают смыслу конкретную стабильность, произвольность, объективность.

И всё же это скорее апофатическое определение, указание на границы смысла, а не критерий, опираясь на который мы можем сказать, подлинный это смысл или не подлинный. Ведь из всего вышесказанного следует, что подлинный и окончательный смысл текста, как это ни парадоксально звучит, невозможно зафиксировать ни в одном тексте, ни в ряду текстов (прошлых, настоящих, будущих). Как только мы пытаемся это сделать, мы схватываем лишь мёртвую, остывшую форму, сумму значений, собственно «текст»⁵⁷. Он есть всего лишь след, который существует как результат участия субъекта в диалоге и ждёт своего часа, чтобы дать повод к новому диалогу, который также обречён на то, чтобы застыть в виде мёртвой вещи (стать значением конкретного текста)⁵⁸, поэтому Бахтин и представляет себе процесс интерпретации текста в виде непрестанно длящегося во времени диалога. «Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту (он уходит в безграничное прошлое и в безграничное будущее). Даже *прошлые*, то есть рождённые в диалоге прошедших веков смысл, никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, законченными) — они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога»⁵⁹.

57 Р. Барт в своё время скажет, опишет это противостояние застывшего и подвижного как Произведение (текст) и Текст (интертекст).

58 «Содержание как *новое*, форма как шаблонизированное, застывшее старое (знакомое) содержание. Форма служит необходимым мостом к новому, ещё неизвестному содержанию» (Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук. С. 368).

59 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 212.

Сам же смысл находится не в том тексте, который интерпретирует читатель, и не в том тексте, который является результатом его толкования. Он «раскрывается только в ситуации»⁶⁰, то есть существует лишь в момент толкования, во время диалога. Это та искра, которая рождается в момент встречи двух субъектов: познающего и познаваемого, поэтому Бахтин и утверждает: «Истинная мысль знает только *условные* точки; она смыкает все поставленные раньше точки»⁶¹.

И это логично, ведь согласно Бахтину, «дух (и свой и чужой) не может быть дан как вещь (прямой объект естественных наук), а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для других»⁶². По этой причине философ и утверждает, что «текст живёт только соприкасаясь с другим текстом (контекстом) (через экзегета. — *свящ. Д. Б.*). Только в точке этого контакта текстов (в момент встречи двух субъектов. — *свящ. Д. Б.*) вспыхивает свет, освещающий и назад и вперёд, приобщающий данный текст к диалогу»⁶³. В конечном счёте «событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда разыгрывается *на рубеже двух сознаний, двух субъектов*»⁶⁴.

Выводы

Итак, мы рассмотрели наиболее важные аспекты герменевтической теории М. М. Бахтина. Особо актуальными в ней являются, на наш взгляд, следующие положения:

1. Процесс интерпретации — комплексный процесс, который имеет два измерения. С одной стороны, это диалог между читателем и автором. В этом отношении толкование текста глубоко субъективно и в большей степени сродни творчеству, нежели строго научному анализу. Умение вести такой диалог зависит от личностных талантов экзегета, его интуиции, способности проникнуть в мир другой личности. Однако, с другой стороны, этот диалог протекает в пространстве текста, которое имеет стройную, логичную организацию, а также объективно-существующие связи и отношения между своими структурными элементами. Установление этих связей

60 Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук. С. 301.

61 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 207.

62 Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук. С. 302.

63 Бахтин М. М. К методологии литературоведения. С. 207.

64 Бахтин М. М. К философским основам гуманитарных наук. С. 303.

и отношений — результат строго научного анализа, который предполагает использование формальных методов интерпретации. Чем тщательнее этот уровень будет проработан, тем интенсивнее и полнее пройдёт диалог. Таким образом, Бахтину удаётся преодолеть как герменевтический субъективизм и семантический плюрализм А. А. Потебни, так и позитивизм и семантический монизм А. П. Скафтымова.

2. Если результат научного анализа текста — это выявление формальных значений и функций всех его компонентов, то смысл — это всегда результат личностного диалога. В отличие от структуралистов Бахтин рассматривал значение всего лишь как стартовую площадку, но никак не результат. В своих значениях текст познаваем, ограничен и конечен (даже если он многозначен). В своем смысловом потенциале он неисчерпаем, как неисчерпаема и личность участников диалога.

3. Несмотря на свою неисчерпаемость, смысл текста имеет определённую форму, которая не произвольна, но обусловлена определёнными факторами. Прежде всего это личностный контекст, эсхатологический контекст и ценностный контекст. Именно приобщение толкователя к двум последним сообщают смыслу глубину и полноту.

Итак, рассуждения М. М. Бахтина могут сыграть важную роль в формировании новой герменевтической парадигмы применительно к исследованиям в области русской литературы. В отличие от крайне позитивистских интерпретационных моделей предшествующей эпохи здесь делается акцент на личностном начале, а толкование текста рассматривается не только как дело сугубо научное, но и как вдохновенное творчество.

Но самое важное в теории М. М. Бахтина, на наш взгляд, — это утверждение, что подлинное понимание произведения требует от толкователя не только богатого интеллектуального потенциала и совершенного владения формальным методом, но в первую очередь пребывания в том же ценностном поле, что и автор. Ведь полноценный диалог между ними возможен только при условии, что они оба причастны к одному и тому же, выражаясь языком Бахтина, братству.

Литература

- Бахтин М. М.* К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–373.

- Бахтин М. М.* К методологии литературоведения // Контекст. Литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1975. С. 203–212.
- Бахтин М. М.* К философским основам гуманитарных наук // *Бахтин М. М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 227–231.
- Бахтин М. М.* Проблема текста // *Бахтин М. М.* Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 299–317.
- Валгина Н. С.* Теория текста. М.: Логос, 2003.
- Есин А. Б.* Принципы и приемы анализа литературного произведения. М.: Флинт; Наука, 2015.
- Косиков Г.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. Теория литературы. Методология гуманитарных наук. М.: Центр книг Рудомино, 2012.
- Лурия А. Р.* Язык и сознание. М.: МГУ, 1998.
- Паксина Е. Б.* Концепция диалога в работах М. Бахтина и В. Библера // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–2. [Электронный ресурс]. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19949> (дата обращения: 20.01.2020)

M. M. Bakhtin's Hermeneutic Theory

Priest Dimitri Baricki

PhD in Theology

Associate Professor at the Department of Biblical Studies
at the Moscow Theological Academy

Associate Professor at the Department of Philology
at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia
baricky1981@yandex.ru

For citation: Baricki, Dimitri S., priest. "M. M. Bakhtin's Hermeneutic Theory". *Theological Herald*, № 1 (36), 2020, pp. 244–263 (in Russian). DOI: 10.31802/2500-1450-2020-36-1-244-263

Abstract. The main goal of the author of the article is to draw attention to M. M. Bakhtin's hermeneutic theory and to point out its relevance in the framework of such a direction of philological analysis of the text as «religious literary criticism». The article presents the main terms of the hermeneutical theory of the scientist in a systematic way. In the beginning, we consider the general theory of knowledge of M. M. Bakhtin, an important place in the framework of which is occupied by such concepts as «monologism» and «dialogism». After that, special attention is paid to the scientist's concept of the structure of the content side of the work, in which such concepts as «sign», «signification» and «meaning» play an important role. The criteria that, according to M. M. Bakhtin, give the meaning of the text a stable form are singled out separately, and academic criticism of literary structuralism is also given. In addition, the author pays attention to the methodology of interpretation of the work, which is formed on the basis of the pro-

posed theory of the text. In conclusion, we assess the heuristic potential that M. M. Bakhtin's hermeneutical theory can have in the context of analyzing works of world classical literature.

Keywords: M. M. Bakhtin, hermeneutics, interpretation, meaning, text, «religious literary criticism».

References

- Bahtin M. M. (1979) “K metodologii gumanitarnyh nauk” [“To the Methodology of the Humanities”], in *Jestetika slovesnogo tvorcestva [Esthetics of Verbal Creativity]*. Moscow: Iskustvo, 1979, pp. 361–373 (Russian).
- Bahtin M. M. (1975) “K metodologii literaturovedenija” [“To the Methodology of Literary Studies”], in *Kontekst. Literaturno-teoreticheskie issledovanija [Context. Literary and Theoretical Research]*. Moscow: Nauka, pp. 203–212 (Russian).
- Bahtin M. M. (2000) “K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk” [“To the Philosophical Foundations of the Humanities”], in *Bahtin M. M. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk [Author and Hero. To the Philosophical Foundations of the Humanities]*. Saint-Petersburg: Azbuka, pp. 227–231 (Russian).
- Bahtin M. M. (2000) “Problema teksta” [“The Problem of the Text”], in *Bahtin M. M. Avtor i geroy. K filosofskim osnovam gumanitarnyh nauk [Author and Hero. To the Philosophical Foundations of the Humanities]*. Saint-Petersburg: Azbuka, pp. 299–317 (in Russian).
- Valgina N. S. (2003) *Teorija teksta*. Moscow: Logos (in Russian).
- Esin A. B. (2015) *Principy i priemy analiza literaturnogo proizvedenija [Principles and Methods of Analysis of a Literary Work]*. Moscow: Flint; Nauka (in Russian).
- Kosikov G. (2012) *Sobranie sochinenij: v 2 t. T. 2: Teorija literatury. Metodologija gumanitarnyh nauk [Collected Works: in 2 vols. Theory of Literature. Methodology of the Humanities]*. M.: Centr knig Rudomino (in Russian).
- Lurija A. R. (1998) *Jazyk i soznanie [Language and Consciousness]*. M.: MGU (in Russian).
- Paksina E. B. (2015) “Konceptcija dialoga v rabotah M. Bahtina i V. Biblera” [“The Concept of Dialogue in the Works of M. Bakhtin and V. Bibler”]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija [Modern Problems of Science and Education]*, no. 1–2, available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19949> (12.04.2018) (in Russian).